
РАКУРСЫ

С.А. АФОНЦЕВ*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: О ЧЕМ ГОВОРЯТ ПОКАЗАТЕЛИ ВВП¹

Аннотация. В статье исследуются возможности оценки экономической мощи субъектов международных отношений с использованием показателей валового внутреннего продукта (ВВП). Продемонстрировано, что сопоставления рассчитанных по текущему валютному курсу национальных показателей ВВП создают ложные основания для аргументов в пользу построения биполярного (США и КНР) миропорядка, в то время как расчет показателей ВВП по паритету покупательной способности (ППС) обеспечивает существенно более реалистичную картину распределения экономической мощи в глобальном масштабе. Идентифицированы три кластера национальных и наднациональных субъектов международных отношений, обладающих экономическим потенциалом, достаточным для участия в формировании нового многополярного миропорядка, и охарактеризованы возможности каждого из этих субъектов в сфере использования данного потенциала для решения значимых мирополитических целей. К первому кластеру относятся «экономические сверхгиганты» – КНР, США и ЕС; ко второму – «восходящие звезды» в лице Индии и АСЕАН, к третьему – экономики с долей в гло-

* **Афонцев Сергей Александрович**, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор Кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; заместитель директора, ИМЭМО РАН (Москва, Россия), e-mail: afontsev@gmail.com

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

бальном ВВП по ППС ниже 4%, большинство из которых на протяжении последних десятилетий демонстрировали деградацию (или стагнацию) своих позиций в мировой экономике. Охарактеризованы глобально значимые вопросы, по которым возможно складывание широких коалиций с участием рассмотренных международных субъектов. Вхождение в эти коалиции является принципиально важным не только для ограниченных в ресурсах субъектов, относящихся ко второму и третьему кластерам, но и для «экономических сверхгигантов», вовлеченных в противостояние друг с другом и заинтересованных в поисках союзников. Проведен анализ сравнительной экономической мощи Российской Федерации и сформулированы выводы относительно его использования для успешной защиты российских национальных интересов во взаимодействии с другими субъектами международных отношений, претендующими на ведущие роли в формировании многополярного миропорядка. Определены условия, при которых экономический потенциал Российской Федерации и Евразийского экономического союза может быть использован для их оптимального позиционирования в новой системе управления глобальными экономическими и политическими процессами.

Ключевые слова: Многополярный мир; глобальный миропорядок; экономическая мощь; экономический потенциал; ВВП; международные коалиции.

Для цитирования: Афонцев С.А. Экономическое измерение многополярного мира: о чем говорят показатели ВВП // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 151–170. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.07>

Введение

Драматическое нарастание межгосударственных и межблочных противоречий, сопровождающее процессы становления будущего многополярного миропорядка, придает новое измерение вопросу о соотношении политической и экономической мощи ведущих международных субъектов. В какой мере их политические амбиции и намерения подкреплены реальными ресурсами, необходимыми для достижения поставленных ими целей – с учетом того, что эти намерения часто встречают оппозицию в лице других, не менее (а часто – и более) влиятельных субъектов? Как рост экономического потенциала стран и региональных объединений влияет на их стремление к повышению собственной роли в управлении глобальными политическими и хозяйственными процессами? Каков круг субъектов, чья экономическая мощь обуславливает их способность и готовность стать полюсами притяжения в рамках формирующегося миропорядка, и каковы их сравнительные позиции? Ответы на эти вопросы имеют первостепенное значение для понимания как долгосрочных перспектив преобразова-

ния сложившейся системы управления глобальными процессами, так и потенциальных позиций ведущих государственных и надгосударственных субъектов в рамках новой формирующейся системы международного взаимодействия.

Отправной точкой анализа соответствующих вопросов является определение круга переменных, которые могут быть использованы для измерения экономической мощи субъектов международных отношений [Strange, 1975; Findlay, O'Rourke, 2007; Broome, 2014, p. 47–60; Bento, 2022]. При всей широте спектра этих переменных (собственно экономических, социально-экономических, переменных технологического развития и т.п.), центральное место в анализе экономической мощи неизменно занимают показатели валового внутреннего продукта (ВВП). Тому есть как минимум три веские причины. Во-первых, показатели ВВП характеризуют сравнительные размеры экономик, определяющие как объемы национальных рынков (а значит, привлекательность соответствующих стран для потенциальных партнеров), так и, при прочих равных условиях, устойчивость к внешним шокам и политически мотивированному экономическому давлению со стороны зарубежных оппонентов. В частности, именно масштабы экономики являются одним из ключевых факторов, определяющих степень устойчивости национальных хозяйственных систем в условиях санкционного противостояния [Афонцев, 2022; Политика санкций..., 2023]. Во-вторых, объем ВВП дает представление об объеме ресурсов, которые могут быть использованы субъектами принятия политических решений для достижения поставленных ими задач в сфере политики и безопасности. Разумеется, жесткой связи между показателем ВВП и объемом средств, направляемых на достижение соответствующих целей, может не существовать – принципиальную роль здесь имеет готовность субъектов принятия политических решений к мобилизации соответствующих средств, а также необходимость нести высокие издержки (например, в сфере внутренней безопасности), не связанные с решаемыми международными задачами [Beckley, 2018]. В результате нередко оказывается, что страны с меньшим размером экономики, но большими мобилизационными возможностями способны на равных противостоять экономически более мощным странам и их коалициям (в частности, данный фактор рассматривается в качестве одного из ключевых объяснений успешного противостояния Российской Федерации

и Исламской Республики Иран санкционному давлению со стороны экономически развитых стран, существенно превосходящих их по хозяйственному потенциалу). Однако в экономиках, существенно отстающих по размеру от экономик стран-оппонентов, подлежащие мобилизации ресурсы могут попросту отсутствовать в достаточном объеме. Наконец, в-третьих, рост объемов экономики сам по себе может создавать стимулы к расширению вовлеченности страны (или регионального объединения) в мирополитические процессы – как для того, чтобы создать благоприятные условия для решения все более масштабных задач в экономической сфере (например, путем создания торговых блоков и реализации иных мер расширения доступа на внешние рынки), так и для реализации политических приоритетов, для достижения которых ранее отсутствовали необходимые ресурсы. Последнее обстоятельство особенно важно в условиях меняющегося миропорядка: экономический успех одних стран, сопровождающийся ростом их сравнительной экономической мощи, может создавать политические и военные риски для стран-соседей (в случае регионального соперничества), а потенциально – и для стран, занимающих доминирующее положение в международной системе [Modelski, 1987].

Несмотря на острую критику, которой показатели ВВП подвергаются в экономических дискуссиях в связи с игнорированием важных аспектов хозяйственного и человеческого развития [Stiglitz et al., 2010; Stiglitz et al., 2018], с точки зрения рассмотренных выше критериев эта критика затрагивает исключительно первый из них и исключительно в той части, которая касается экономической привлекательности конкретных международных субъектов для потенциальных партнеров. В связи с этим неудивительно, что показатели ВВП доминировали и продолжают доминировать в экономическом блоке международных сопоставлений как сами по себе [Karabell, 2014; Lepenies, 2016], так и в составе комплексных показателей национальной мощи и влияния [Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019; Мельвиль, Миронюк, 2020]. При этом потенциал их использования нельзя считать исчерпанным. В данной статье продемонстрированы возможности их применения для анализа круга субъектов, участвующих в формировании нового многополярного миропорядка, динамики их экономической мощи на протяжении последних двух десятилетий, а также перспектив использования этой мощи

для закрепления за собой роли ведущих центров мировой экономики и политики.

Неизбежность биполярности?

Сопоставление показателей ВВП, пересчитанных в доллары США по текущему (среднегодовому) рыночному курсу национальных валют, на сегодняшний день остается одним из наиболее популярных методов оценки сравнительной экономической мощи. У такого метода есть как минимум два важных преимущества. Во-первых, немаловажное значение имеет простота расчета и интерпретации соответствующих показателей. Данные о текущих валютных курсах широко доступны и имеют однозначную содержательную трактовку, а значит, обладают высокой убедительной силой как для специалистов, так и широких кругов общественности. Во-вторых, расчеты по текущему валютному курсу оптимальным образом отвечают реализации первой из упомянутых ранее функций показателей ВВП – а именно, отражают сравнительные размеры экономик с точки зрения их привлекательности для внешних партнеров – как бизнес-субъектов, заинтересованных в операциях на емких и устойчивых зарубежных рынках, так и правительств стран-союзников, рассчитывающих в сложной ситуации получить ресурсное содействие от держав, располагающих значительным экономическим потенциалом.

Впрочем, есть и еще одно обстоятельство, делающее использование показателей ВВП по текущему валютному курсу популярным среди значительной части глобального экспертного сообщества, в первую очередь ориентирующегося на американский дискурс. О том, что это за обстоятельство, нетрудно вынести заключение на основании рис. 1, на котором представлены сравнительные экономические позиции десяти ведущих национальных экономик мира, ранжированных по показателям ВВП по текущему валютному курсу в 2022 г. (К моменту подготовки статьи рассчитываемые МВФ данные о показателях ВВП за 2023 г. носили предварительный характер и не могли использоваться для получения однозначных содержательных выводов.) Согласно этим данным, размер экономики США более чем в 1,4 раза опережал показатель ближайшей страны-преследователя (КНР), а также превышал (пусть и

на доли процента) суммарный показатель ВВП всех остальных восьми стран, представленных в приведенном ранжировании. Неудивительно, что сопоставление показателей ВВП, рассчитанных по текущим валютным курсам, является одним из наиболее важных экономических аргументов в пользу тезиса о «глобальном экономическом лидерстве» США, а также тезиса о возможности формирования биполярного миропорядка, основанного на глобальном доминировании США и КНР, в противовес тезису о формировании многополярного мира, в создании которого должен участвовать значительно более широкий круг международных субъектов [Bekkevold, 2023].

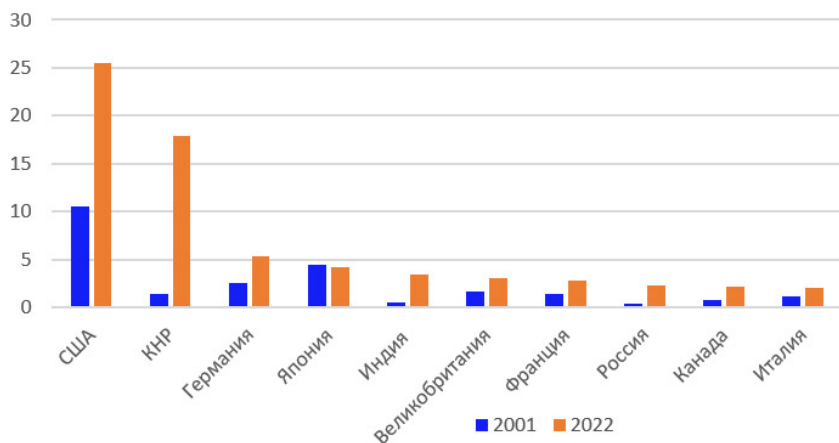

Рис. 1
Сравнительные показатели ВВП крупнейших национальных экономик, рассчитанные по текущим валютным курсам (трлн долл.)¹

Впрочем, показатели ВВП на национальном уровне в любом случае не дают полного представления о распределении глобальной экономической мощи. Одной из важных проблем, связанных с его оценкой, является учет хозяйственного потенциала межгосударственных объединений. Эта проблема, в свою очередь, имеет

¹ Составлено на основе данных IMF World Economic Outlook Database.

два важных измерения для определения экономических возможностей наднациональных субъектов выполнять функции «полюсов» многополярного мира. С одной стороны, суммарная оценка экономического потенциала нескольких суверенных государств может быть полностью корректной только в том случае, если их экономики могут рассматриваться как единый хозяйственный комплекс, обладающий общей притягательностью для потенциальных внешних партнеров – и в этом качестве позволяющий рассматривать их как единый «экономический полюс». С другой стороны, соответствующие наднациональные объединения должны обладать механизмами принятия политических решений, обеспечивающими мобилизацию экономических ресурсов стран-участниц на решение задач, выходящих за рамки чисто экономического сотрудничества – например, в сфере внешней и оборонной политики, достижения общих приоритетов безопасности и т.д. с тем, чтобы соответствующее объединение могло хотя бы гипотетически претендовать на статус самостоятельного «политического полюса» мирового порядка. Одновременное выполнение обоих этих условий накладывает жесткие ограничения на круг международных субъектов, которые могут правомерно рассматриваться в качестве объектов сопоставлений показателей ВВП применительно к проблеме формирования многополярного мира.

Во-первых, сочетанию перечисленных условий не соответствуют международные структуры, в которых национальные экономики стран-членов не формируют интегрированных хозяйственных комплексов, которые бы рассматривались внешними партнерами в качестве потенциального или реального «экономического полюса». Это исключает из числа возможных участников сопоставлений как межрегиональные военно-политические блоки (включая НАТО и ОДКБ), так и международные организации (такие как БРИКС, ШОС, ОЭСР и пр.), в рамках которых наблюдается четкая дифференция национальных (либо интегрированных региональных) подсистем стран-участниц. Это, разумеется, не означает, что в сфере решения уставных задач соответствующих структур (например, в военной сфере, если речь идет о НАТО) оценки суммарного экономического потенциала не имеют значения. Это означает лишь, что анализ круга субъектов, претендующих на ведущие роли в формируемом миропорядке, должен вестись на уровне самостоятельно функционирующих экономических систем (в слу-

чае НАТО – экономик США и входящих в данную организацию стран ЕС).

Во-вторых, применительно к интегрированным экономическим группировкам о полноценном участии в формировании нового миропорядка речь может идти только в том случае, если соответствующие группировки имеют общие приоритеты в сфере политики и безопасности, а также функционирующие межгосударственные либо наднациональные механизмы, ответственные за выработку таких приоритетов и их реализацию с опорой на ресурсный потенциал стран-участниц. Это, в свою очередь, означает, что из числа региональных интеграционных объединений в сферу анализа должны включаться лишь те, которые не только обладают значительно интегрированными хозяйственными системами, но и предпринимают попытки выстраивать сотрудничество за пределами чисто экономической сферы. Примечательно, что подобным условиям могут отвечать не только региональные блоки, реализующие глубокие форматы интеграции (общий рынок, экономический и валютный союз), но и объединения, де-факто имеющие характер зоны свободной торговли, но «дополненные» механизмами сотрудничества в сфере политики и безопасности (как это имеет место в АСЕАН – но, например, не наблюдается в рамках трехстороннего соглашения о свободной торговле между США, Мексикой и Канадой).

В-третьих, для корректности измерений сравнительной экономической мощи необходимо избежание повторного счета, при котором экономический потенциал какой-либо страны учитывался бы и сам по себе, и в составе одного (а тем более нескольких) наднациональных объединений. Наконец, в-четвертых, необходимо принимать во внимание особенности международной статистики ВВП, в которой данные часто приводятся для разных политико-территориальных образований несмотря на то что с содержательной точки зрения они представляют собой экономическое целое (наиболее важным примером является КНР, ВВП которой в международной статистике традиционно приводится без Гонконга и Макао).

Результаты ранжирования крупнейших национальных и наднациональных экономик с учетом сформулированных выше условий (в том числе суммирования показателей ВВП КНР, Гонконга и Макао) приведен на рис.2.

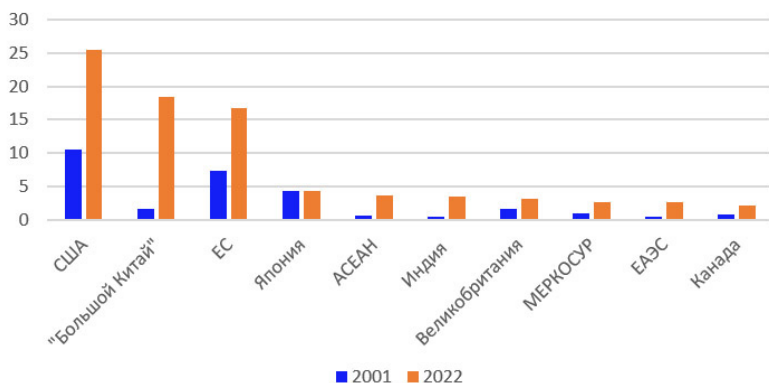

Рис. 2

Сравнительные показатели ВВП крупнейших национальных и наднациональных экономик, рассчитанные по текущим валютным курсам (трлн долл.)¹

Единственное значимое изменение, которое отличает полученную картину от представленной на рис. 1, связано с выдвижением на третье место ранжирования экономики ЕС, размер которой в 2022 г. на 9,2% отставал от ВВП «Большого Китая» и на 34,4% – от ВВП США (справочные данные о размере экономики ЕС и ЕАЭС в 2001 г. даны по кругу стран, входивших в данные объединения в 2022 г.). Экономика АСЕАН вышла на пятое место, опередив индийскую, а на восьмом месте закрепились группировка МЕРКОСУР (для сравнения, ее лидер – Бразилия – в ранжировании национальных экономик занимала только 11-е место). Что касается экономики США, при скорректированном расчете она по-прежнему демонстрировала значительный отрыв от ближайшего преследователя (КНР) и более чем в 2 раза опережала экономический потенциал всех прочих субъектов «незападного» мира, вместе взятых. В целом же ситуация, представленная на рис. 2, вызывает очевидные параллели с популярной до начала 1990-х годов метафорой «трех экономических центров мира», только место сдавшей свои позиции Японии прочно занял в ней Китай, совершивший за последние десятилетия впечатляющий рывок вперед.

¹ Рассчитано на основе данных IMF World Economic Outlook Database.

Применительно к текущей ситуации такая метафора, однако, может использоваться лишь со значительными оговорками – прежде всего потому, что сопоставления показателей ВВП, рассчитанных по текущему валютному курсу, имеют очевидные ограничения с точки зрения оценки сравнительного экономического потенциала международных субъектов.

Три кластера лидеров

Как было сказано выше, главное содержательное преимущество расчета показателей ВВП по текущему валютному курсу заключается в том, что он позволяет достаточно реалистично сопоставлять размеры национальных (и наднациональных) экономик в плане их оценки как «центров экономического притяжения» для других международных субъектов. В рамках экономической науки использование показателей ВВП по текущему валютному курсу является стандартной практикой при оценке сравнительной привлекательности торговых и инвестиционных партнеров (в т.ч. с использованием т.н. гравитационных моделей, позволяющих оценить зависимость интенсивности сотрудничества от размеров взаимодействующих экономик, см.: [Poot et al., 2016; Baier et al., 2018; Chitu et al., 2018; Badarinza et al., 2022], а в исследованиях экономической интеграции – при определении оптимального выбора круга стран, с которыми целесообразно заключать преференциальные торговые соглашения и иные соглашения об экономическом сотрудничестве. Однако с точки зрения анализа процессов эволюции глобального экономического и политического порядка эти показатели имеют ряд значимых недостатков. Во-первых, они подвержены высокой волатильности в случае резких колебаний рыночных валютных курсов. При неизменном объеме производства экономических благ в рамках национального хозяйства соответствующие показатели могут резко меняться в зависимости от изменения курса национальной валюты, что препятствует определению реального объема ресурсов, которые могут быть мобилизованы на достижение целей в сфере политики и безопасности (если рассчитанный в долларах стоимостной объем производства авиационного топлива при падении курса национальной валюты сократился в два раза, это вовсе не значит, что в небо

взлетит в два раза меньше самолетов). Во-вторых, применение текущих валютных курсов для пересчета данных о производстве товаров и услуг из национальных валют в доллары США не вызывает содержательных вопросов лишь применительно к тем товарам и услугам, которые в рассматриваемой стране являются объектами активных внешнеторговых сделок, однако применительно к благам, являющимся преимущественно объектами внутреннего спроса, такие оценки будут носить смещенный характер (особенно в развивающихся странах, где цены внутреннего рынка часто определяются спросом низкодоходных групп населения). Для устранения указанных проблем используются расчеты ВВП по паритету покупательной способности (ППС), т.е. по курсовому соотношению, отражающему фактическую покупательную силу национальных валют в отношении определенного набора экономических благ. Применительно к сравнительному анализу экономической мощи международных субъектов это позволяет не только дать характеристику совокупного объема ресурсов, на который субъекты принятия политических решений рассматриваемой страны могут опираться в достижении своих целей, но и охарактеризовать долгосрочную эволюцию стимулов, которые экономическое развитие страны создает к расширению ее участия в решении глобально значимых проблем, затрагивающих ее экономические интересы.

Использование показателей ВВП по ППС для идентификации крупнейших национальных экономик в 2022 г. (рис. 3) позволяет сделать выводы, заметно отличающиеся от полученных при анализе ранжирования стран согласно показателям ВВП по текущим валютным курсам. Во-первых, в глобальные лидеры при таких расчетах уверенно выходит экономика КНР, которая обогнала США еще в 2016 г. и с тех пор последовательно наращивала свой отрыв, доведя его к 2022 г. до 2,9% глобального ВВП. Во-вторых, на 7-е и 8-е места в рейтинге выходят представители развивающегося мира – Индонезия и Бразилия, в то время как Канада и Италия, в отличие от расчетов ВВП по текущему валютному курсу, теряют места в десятке лидеров. Наконец, анализ сравнительных национальных позиций на основании доли в глобальном ВВП по ППС наглядно показывает, что из рассматриваемых стран только КНР, Индия и Индонезия в период с 2001 г. смогли укрепить свое место в мировой экономике (в том числе КНР – на 10,8 процентных пункта мирового ВВП и Индия – на 3,2 процентных пункта

мирового ВВП), в то время как основной «пострадавшей стороной» в результате перераспределения страновой структуры глобального ВВП выступили экономически развитые страны – Великобритания, Франция, Германия и особенно Япония и США.

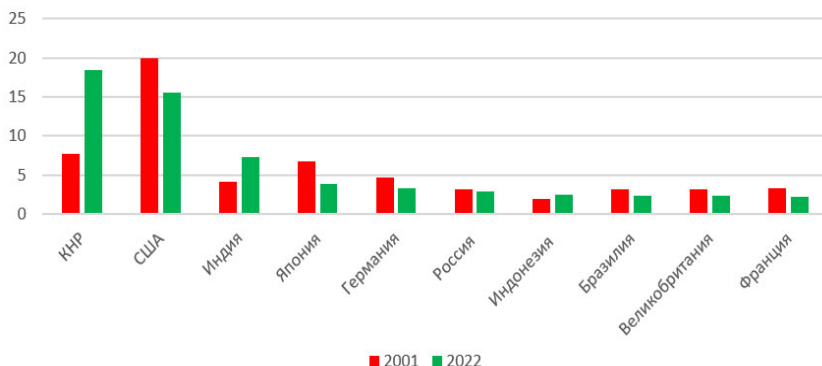

Рис. 3
Доли крупнейших национальных экономик
в глобальном ВВП по ППС (%)¹

Еще более важными являются результаты сопоставления показателей экономической мощи крупнейших национальных и наднациональных экономик (рис. 4). В отличие от ранжирования на основании показателей ВВП по текущему валютному курсу, демонстрирующего значительный отрыв тройки лидеров (США, «Большой Китай», ЕС) от экономик, занимающих места с 4-го по 10-е, здесь картина оказывается существенно более сложной. Фактически группа лидеров распадается на три кластера. К первому закономерно относятся США, «Большой Китай» и ЕС, отрыв которых от ближайшего преследователя – Индии по доле в глобальном ВВП составляет 2 раза и более (отметим, что при сопоставлении ВВП по текущему валютному курсу отставание Индии от каждой из стран-лидеров составляло 5 и более раз). Во второй кластер входят Индия и АСЕАН, на которые приходится соответственно 7,3% и 6,3% мирового ВВП. Эти экономики стоят особняком как от тройки лидеров, так и от экономик третье-

¹ Рассчитано на основе данных IMF World Economic Outlook Database.

го кластера, последовательно наращивая свой отрыв от последних. Примечательно, что среди экономик третьего кластера лишь Турция смогла нарастить (хотя лишь незначительно – на 0,77 процентных пункта) свою долю в мировом ВВП, в то время как остальные страны и региональные блоки либо утрачивали свои позиции (что особенно наглядно проявилось в случае Японии – на 2,9 процентных пункта), либо с трудом их удерживали (ЕАЭС).

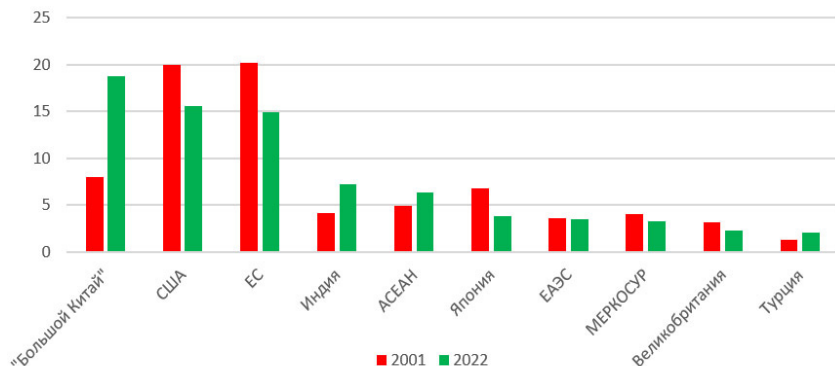

Рис. 4

Доли крупнейших национальных и наднациональных экономик в глобальном ВВП по ППС (%)¹

В целом приходится констатировать, что абсолютный размер экономик третьего кластера и тенденции динамики их экономической мощи свидетельствуют о серьезных вызовах, стоящих перед ними в случае реализации самостоятельных стратегий, направленных на определение своего места в рамках формирующегося глобального мироустройства. Экономике второго кластера находятся в этом отношении в гораздо более благоприятном положении. Это касается как экономических возможностей достижения текущих приоритетов глобального политического и экономического позиционирования, так и перспектив наращивания амбиций в сфере участия в механизмах управления глобальными процессами. В то же время значительное отставание их экономической мощи от субъектов первого кластера ставит и перед ними

¹ Рассчитано на основе данных IMF World Economic Outlook Database.

вопрос о формировании коалиционных стратегий, позволяющих эффективно участвовать в процессах переформатирования существующего миропорядка.

Коалиционные стратегии для многополярного мира

Проблема поиска коалиционных решений задач, связанных с максимизацией целевых функций субъектов, является стандартной для экономической науки и традиционно анализируется с помощью инструментария теории игр. Применительно к проблеме объединения экономических потенциалов субъектов международного взаимодействия, однако, она является далеко не тривиальной. Характер возникающих при этом сложностей может быть описан следующим образом.

Во-первых, механическое сложение показателей ВВП разных международных субъектов дает небесспорные результаты даже применительно к оценкам рыночного потенциала. Если между соответствующими субъектами не заключено преференциальных торговых соглашений и / или такие соглашения существуют только с отдельными странами наднациональных группировок (например, ЕС имеет соглашения о свободной торговле лишь с двумя из десяти стран АСЕАН – Сингапуром и Вьетнамом), говорить об объединении их рыночных потенциалов для формирования общего «полюса притяжения» в мировой экономике не представляется возможным. Во-вторых, международные субъекты демонстрируют выраженные различия в способности мобилизации ресурсов экономики для достижения внешнеполитических приоритетов. Наиболее показательны в этом отношении различия между наднациональными блоками и национальными государствами: даже ЕС, несмотря на многолетний опыт реализации Общей внешней политики и политики безопасности, обладает существенно меньшими (в процентном отношении к размерам экономики) возможностями ресурсной мобилизации в рассматриваемой сфере. В-третьих, возникает вопрос о когерентности интересов, реализуемых участниками конкретных коалиций. Уже в рамках региональных интеграционных объединений по ряду внешнеполитических вопросов существуют жесткие противоречия, не говоря уже о противоречиях с третьими сторонами. Показательный пример связан с territori-

альным спором вокруг архипелага Спратли в Южно-Китайском море, в рамках которого четыре страны АСЕАН (Вьетнам, Малайзия, Филиппины и Бруней) выстраивают собственные стратегии противостояния как с КНР и Тайванем, так и между собой. Очевидно, что применительно к оценкам перспектив разрешения соответствующих территориальных споров суммарные показатели экономического потенциала АСЕАН (и тем более АСЕАН и КНР) лишены какого бы то ни было смысла.

С учетом сказанного анализ коалиционного экономического потенциала международных субъектов оказывается правомерным только по отношению к тем вопросам становления нового политического и экономического порядка, по которым интересы соответствующих субъектов имеют высокую степень общности. Круг таких вопросов на сегодняшний день достаточно ограничен – а значит, ограничены и возможности формирования значимых коалиций международных субъектов, претендующих на активную роль в борьбе вокруг формирования нового миропорядка.

1. Наиболее значимая коалиция в современных условиях включает в себя экономически развитые страны (США, ЕС, Японию и Великобританию), *заинтересованные в сохранении принципов «миропорядка, основанного на правилах» и удержании ведущих позиций в международных экономических организациях.* Суммарные позиции соответствующих субъектов в мировой экономике за последние десятилетия существенно ослабли (с 50,1% ВВП по ППС в 2001 г. до 36,5% в 2022 г.), однако по-прежнему остаются прочными, а с учетом накопленного потенциала влияния в валютно-финансовой и технологической сфере – достаточными для упорной борьбы за сохранение доминирующих позиций в управлении глобальными экономическими процессами на перспективу ближайших 10–15 лет.

2. Что касается *ситуативных коалиций экономически развитых стран против стран, бросающих вызов устоявшемуся мировому порядку в сфере безопасности*, то их очевидными целями являются Россия и КНР. Фактическая антироссийская коалиция включает в себя США, ЕС, Японию и Великобританию (с привлечением менее значимых международных субъектов), в то время как потенциальная антикитайская коалиция, в случае успешного продвижения Индо-Тихоокеанской стратегии США, может включать в себя также Индию, что обеспечило бы такой коалиции

более чем двукратный перевес по экономическому потенциалу (более 43,8% мирового ВВП по ППС против 18,8% у «Большого Китая»). Решающее значение, однако, в данном случае имеет фактор сравнительной готовности к мобилизации ресурсов: как показывает более чем десятилетнее противостояние России с широкой международной коалицией (в т.ч. с 2022 г. – противостояния высокой интенсивности), чисто математический расчет коалиционного потенциала может служить фундаментом для ложных прогнозов протекания международных конфликтов.

3. В свою очередь, *пересмотр механизмов системы управления глобальными экономическими процессами* является главным мотивом, вокруг которого возможно складывание широкой коалиции стран с развивающимися рынками – «Большого Китая», Индии, АСЕАН, ЕАЭС и МЕРКОСУР, доля которых в ВВП по ППС за рассматриваемый период возросла с 24,7 до 39,0%. Несмотря на то что более чем на две трети этот прирост обеспечен благодаря росту китайской экономики, нахождение общих позиций здесь вполне возможно благодаря наличию общей заинтересованности в ослаблении доминирующих позиций экономически развитых стран в рассматриваемой сфере.

4. Другим важным приоритетом коалиционного взаимодействия экономик с развивающимися рынками может стать *формирование новых «полюсов экономического притяжения» на Евразийском пространстве*. Хотя полноценная реализация идеи Большого евразийского партнерства в настоящее время по объективным обстоятельствам может рассматриваться исключительно в качестве приоритета на долгосрочную перспективу, ее стратегическая ценность безусловно сохраняется. В настоящее время на четыре экономических центра Евразии, демонстрирующих высокую степень готовности к конструктивному экономическому сотрудничеству («Большой Китай», Индия, АСЕАН, ЕАЭС), приходится 35,8% глобального ВВП, и договорное закрепление норм, способствующих снижению взаимных барьеров доступа на рынки, вело бы к дальнейшему укреплению потенциала соответствующих международных субъектов в формирующемся многополярном мире.

Потенциал формирования значимых международных коалиций по другим вопросам, связанным с трансформацией экономического и политического миропорядка (таким, как реформа Совета Безопасности ООН, вопросы глобального управления климатиче-

скими изменениями или обеспечения кибербезопасности) представляется существенно менее значимым – как в силу наличия существенных противоречий между интересами ведущих международных субъектов, так и в плане ограниченной релевантности показателей экономической мощи для оценки возможностей влияния на решение соответствующих вопросов (применительно к вопросам борьбы с изменением климата, см.: [Климатическое регулирование..., 2022]). Однако и перечисленные четыре сферы международного взаимодействия наглядно демонстрируют, какой вклад анализ суммарных показателей экономической мощи может внести в понимание перспектив развития текущих и будущих конфликтов, сопровождающих рождение нового миропорядка.

Заключение

В данной статье мы рассмотрели возможности использования показателей ВВП для оценки сравнительной экономической мощи национальных и наднациональных субъектов мировой политики. Несмотря на все ограничения, присущие соответствующим показателям – в первую очередь, акцентирование вопроса о размере экономик без учета их вовлеченности во внешнеэкономические операции, обеспеченности конкретными видами хозяйственных ресурсов, уровня технологического развития и т.п., – на основе их анализа получены важные содержательные выводы. Во-первых, идентифицированы три кластера субъектов, претендующих на ведущие роли в новом формирующемся миропорядке. К первому кластеру относятся «экономические сверхгиганты» – КНР, США и ЕС; ко второму – «восходящие звезды» в лице Индии и АСЕАН, к третьему – экономики с долей в глобальном ВВП по ППС ниже 4%, большинство из которых демонстрировали деградацию (или стагнацию) своих позиций в мировой экономике. Во-вторых, охарактеризованы глобально значимые вопросы, по которым возможно складывание широких коалиций с участием рассмотренных международных субъектов. Вхождение в эти коалиции является принципиально важным не только для ограниченных в ресурсах субъектов, относящихся ко второму и третьему кластерам, но и для «экономических сверхгигантов», вовлеченных в противостояние друг с другом и заинтересованных в поисках союзников.

Наконец, необходимо остановиться на выводах, относящихся к экономическому потенциалу участия России в трансформации глобального миропорядка. По состоянию на 2022 г. на Российскую Федерацию приходилось 2,91% глобального ВВП, на ЕАЭС в целом – 3,46%; оба показателя соответствуют третьему кластеру ведущих международных субъектов. Тот факт, что стране на протяжении длительного времени удастся успешно противостоять международной коалиции, намного превосходящей ее по экономическому потенциалу, в решающей степени зависит от эффективной мобилизации хозяйственных ресурсов на цели обороны и безопасности – как через каналы государственных расходов, как и через создание у экономических субъектов материальных и институциональных стимулов к развороту в сторону решения национально значимых задач. В этих условиях критически важно обеспечить сохранение и укрепление соответствующих механизмов, равно как и их основы – стабильно действующей системы принятия политических решений. В свою очередь, в среднесрочной и долгосрочной перспективе важнейшим условием повышения роли страны в управлении глобальными экономическими и политическими процессами является ее участие в коалициях с ведущими странами и региональными объединениями стран развивающегося мира, разделяющими российские приоритеты в развитии хозяйственных связей. Первоочередное внимание должно быть уделено сотрудничеству с КНР, Индией, АСЕАН и странами – партнерами по ЕАЭС, чтобы создать предпосылки для интенсификации практических шагов по реализации идеи Большого евразийского партнерства.

S.A. Afontsev*

**Economic dimensions of the multipolar world:
what do GDP figures really tell¹**

Abstract. The article discusses strengths and weaknesses of using gross domestic product (GDP) data as a measure of economic power in international relations. It is argued that country comparisons based on GDP figures calculated with current exchange rates

* **Sergey Afontsev**, MGIMO University; IMEMO RAS (Moscow, Russia), e-mail: afontsev@gmail.com

¹ This article is based on the research supported by the MGIMO University and the HSE University consortium with grant funds of the 'Priority2030' strategic academic leadership program.

provide biased results that can be unduly used to substantiate the idea of the new bipolar (USA vs. China) world order. In contrast, GDP calculations based on purchasing power parity (PPP) provide much more realistic and balanced picture. Three groups of countries and regional blocks are identified on the basis of their economic potential that can be used to grant them leading positions in the emerging global order. The first group consists of 'economic supergiants' (China, US, EU); India and ASEAN with rapidly growing economies follow as members of the second group, while the third group is comprised of economies with less than 4 per cent (and mostly declining or stagnant) individual shares in global GDP. Key issues of global economic and political rivalry where coalition formation among the global national and subnational players are listed. Economic power of the Russian Federation is discussed in comparative perspective as well as opportunities to join national economic potential with partner countries to expand control over the global agenda.

Keywords: multipolar world; new global order; economic power; economic potential; GDP; international coalitions.

For citation: Afontsev S.A. Economic dimensions of the multipolar world: what do GDP figures really tell. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 151–170. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.07>

References

- Afontsev S.A. Political paradoxes of economic sanctions. *Journal of the new economic association*. 2022, N 3 (55), P. 193–198. DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-10> (In Russ.)
- Afontsev S.A., Lebedeva M.M., Nikitina Yu.A., Kuznetsov D.A., Arteev S.P., Koltsova M.V., Maslova K.V., Nikolaev I.A., Uchaev E.I., Nesmashny A.D. *Climate regulation in the context of the decisions of the Glasgow climate change conference: global political aspects*. Moscow: MGIMO-University, 2022, 22 p.
- Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A.Yu. How and why should we measure and compare state capacity of different countries? Theoretical and methodological foundations. *Polis. Political studies*. 2019, N 2, P. 8–23. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02> (In Russ.)
- Badarinza C., Ramadorai T., Shimizu Ch. Gravity, counterparties, and foreign investment. *Journal of financial economics*. 2022, Vol. 145, N 2(A), P. 132–152. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2021.09.011>
- Baier S.L., Kerr A., Yotov Y.V. Gravity, distance, and international trade. In: Blonigen B., Wilson W. (eds). *Handbook of international trade and transportation*. Northampton, MA: Edward Elgar, 2018, P. 15–78.
- Beckley M. The power of nations: measuring what matters. *International security*. 2018, Vol. 43, N 2, P. 7–44. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00328
- Bekkevold J.I. No, the world is not multipolar. *Foreign policy*. September 22, 2023. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2023/09/22/multipolar-world-bipolar-power-geopolitics-business-strategy-china-united-states-india/> (accessed: 12.02.2024).
- Bento V. *Strategic autonomy and economic power: the economy as a strategic theater*. New York: Routledge, 2022, 294 p.

- Broome A. *Issues and actors in the global political economy*. New York: Palgrave MacMillan, 2014, 324 p.
- Chitu L., Eichengreen B., Mehl A. History, gravity and international finance. *Journal of international money and finance*. 2018, Vol. 46, P. 104–129. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2014.04.002>
- Findlay R., O'Rourke K.H. *Power and plenty: trade, war, and the world economy in the second millennium*. Princeton: Princeton university press, 2007, 619 p.
- Ivanov I.S., Timofeev I.N. (eds). *Sanctions policy: aims, strategies, instruments*. Moscow: Russian International affairs Council, 2023, 535 p. (In Russ.)
- Karabell Z. *The leading indicators: a short history of the numbers that rule our world*. New York: Simon and Schuster, 2014, 304 p.
- Lepenies Ph. *The power of a single number: a political history of GDP*. New York: Columbia university press, 2016, 208 p. DOI: <https://doi.org/10.7312/lepe17510>
- Melville A.Yu., Mironyuk M.G. "Political Atlas of the Modern World" Revisited. *Polis. Political studies*. 2020, N 6, P. 41–61. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04> (In Russ.)
- Modelski G. *Long cycles in world politics*. New York: Palgrave MacMillan, 1987, 254 p.
- Poot J., Alimi O., Mare D.C. The gravity model of migration: the successful comeback of an ageing superstar in regional science. *Investigaciones regionales – Journal of regional research*. 2016, N 36, P. 63–86.
- Stiglitz J.E., Fitoussi J.-P., Durand M. *Measuring what counts: the global movement for well-being*. New York: The New Press, 2018, 256 p.
- Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. *Mismeasuring our lives: why GDP doesn't add up*. New York: The New Press, 2010, 176 p.
- Strange S. What is economic power, and who has it? *Force and Power*. 1975, Vol. 30, N 2, P. 207–224. DOI: <https://doi.org/10.2307/40201221>

Литература на русском языке

- Афонцев С.А. Политические парадоксы экономических санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3 (55). – С. 193–198. – DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-10>
- Ахремченко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2 – С. 8–23. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>
- Климатическое регулирование в контексте решений конференции в Глазго: мирополитические аспекты / С.А. Афонцев, М.М. Лебедева, Ю.А. Никитина [и др.]. – М.: МГИМО-Университет, 2021. – 25 с.
- Мельвиль А.Ю., МIRONYUK M.G. «Политический атлас современности» revisited // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 6. – С. 41–61. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04>
- Политика санкций: цели, стратегии, инструменты / под ред. И.С. Иванова, И.Н. Тимофеева. – М.: Российский совет по международным делам, 2023. – 535 с.